

Душа на дорогах тьмы и света

Многолетняя творческая дружба связывала Анну Ивановну с амурской поэтессой и журналистом Светланой Аркадьевной Борзуновой (1951–2006). Родилась она в Томске, выросла на просторах Алтая, окончила Томский университет. Светлана Борзунова как творческая личность состоялась именно в Благовещенске. До последних дней она работала журналистом в разных газетах и писала прекрасные стихи.

Анна Ивановна посвящала ей свои строки:

Ты амурскою музой встаёшь
И витаешь на небе над нами.
Ты зарёю встречаешь восход
И вечерней порою, как пламя.
(1997 г.)

Я люблю тебя,
Светлая Анна моя!
И желаю бессмертья стихам,
так волнующим душу и сердце
людей — дорогих тебе амурчан.
(2001 г.)

Светлана Борзунова не раз обращалась в своём творчестве к неординарной личности Нехамы Иоановны и в стихах, и в прозе. Так, 14 августа 1998 года в «Старой мельнице» — приложении к газете «Амурская правда» — она пишет очерк об Анне Ивановне под рубрикой «Дар бесценный». Мне кажется, это самый полный очерк жизни дорогого нам человека.

Когда внучка Полина, названная так в честь своей прабабушки Перл, потребовала от Анны Ивановны Вайсман восстановить родословное древо, обнаружился целый интернационал: украинцы, поляки, евреи, русские... Но Анна Ивановна всегда считала себя именно еврейкой, и мысль о том, что можно отказаться от своей нации даже ради спасения жизни, не приходила в голову.

Она, воспитанная родителями, восторженно принявшими советскую власть, вне предрассудков старого мира, вне религии, на лучших образцах мировой литературы, на почти подсознательном уровне помнила, знала, что она — десятое колено от великого Баал Шема, основателя течения хасидов, гордости иудеев. Папа и мама не учили Ньюсю молиться, но учили любить всякую жизнь, делать добро и не стремиться к материальным ценностям.

Верили хасиды, что Бог живёт в сердцах людских и молиться ему надо с радостью, с песнями и танцами. Синагога должна быть обителью веселья. Свет непременно должен торжествовать над тьмой. Эту истину Анна Вайсман переняла от своего отца, глубоко верующего человека. Под светом подразумевался не Бог, но Истина, Добро, Разум. Поэзия Пушкина и Лермонтова, любимая школа, мамины песни: «И по звонким струнам я ударила звучней...»

Маму звали Перл — жемчужина, папу — Иойно — голубь. Она была Нехама, дочь Иойно — голубиное утешение. Всех троих фашисты загнали в гетто и пытались убить. За то, что они были от колена Авраамова, от колена Баалшемова, за то, что некогда голубь слетел к Марии и благовествовал ей рождение Спасителя. Чудом было спасение семьи Вайсман, выжившей среди 6 миллионов евреев, убитых Гитлером.

Как спасались и как спаслись, Нехама Вайсман описала в автобиографической повести «Отчизна родная, мы ждали тебя», опубликованной в литературно-художественном альманахе «Приамурье-97». Пересказывать эти жуткие страницы истории не резон. Лучше прочитать самим. Возьму на себя смелость с разрешения Анны Ивановны Вайсман привести своё стихотворение, написанное под впечатлением этой повести.

Мера ужаса и боли
Не поместится и в слове.
Но поверх земной юдоли —
Мера правды и любви.
Что под небом Украины,
Что в Сибири, крае ссылки,
Иудейские осины
По дороге, по развилке.

Эти листья в форме сердца
Устилают путь до храма.
Мы навек единоверцы,
Вечно юная Нехама.

Как сумела юная Анна, пройдя сквозь фашистский ад, сохранить в душе веру в людей, доброту и оптимизм, для меня остаётся загадкой. Однажды, мимоходом обронив несколько слов, вытащивших меня из тяжёлой депрессии, она также мимоходом в ответ на мою благодарность вымолвила: «Если я могу сделать людям добро, я всегда его сделаю». И то, что это принцип жизни, могут подтвердить все её многочисленные ученики. Сорок с лишним лет она преподаёт в Благовещенском педагогическом университете. Иногда мне кажется, что у неё учились абсолютно все мои знакомые и я сама тоже.

Она — Учитель милостью Божьей. Спросите её выпускников, и каждый расскажет о ней целую поэму. Когда впервые в жизни юная выпускница Киевского университета вошла в класс, то в первый момент обмерла под взглядом сорока пар глаз. А в следующее мгновение подошла к окну и, глядя вдаль, стала читать на память поэму Маргариты Алигер «Зоя». Когда повернулась к классу, девочки все плакали... Это не было педагогическим приёмом, это был порыв души, вдохновение и озарение, поиск единого для всех общего языка — языка поэзии, языка души.

— Я очень люблю своих студентов, своих детей. Я их гоняю, хочу, чтобы они знали всё то, что знаю сама. Будете знать — не будете ничего бояться, даже сказать: «Я не знаю».

Ничего не бояться — это тоже мечта из тех страшных военных времён. Ещё долго после оккупации, гуляя с подругами по Киеву, Анна вздрагивала: вот место, в котором хорошо спрятаться! И ещё мечта — наверстать всё, что отнято войной, все пропавшие годы. Училась как сумасшедшая, бегала на концерты в филармонию, в студию художественного чтения, стихи ещё с детских лет читала блестяще, сама писала стихи. Показала профессиональному поэту — отговорил продолжать опыт. Много лет спустя при встрече, словно извиняясь, утешил: «Зато вы стали учёной дамой».

На 75-летнем юбилее
Н. И. Вайсман.
Юбиляра
поздравляет поэтесса
Светлана Борзунова

Ох, нелёгкок был путь киевской студентки до учёной дамы! Не одни фашисты смотрели косо на евреев. Пятый пункт графы наглухо закрыл отличнице, рекомендованной самим академиком Белецким, путь в аспирантуру. В 1949 году то, что она еврейка и была в оккупации, весило куда больше, чем её блестящие труды по Брюсову, успехи в организации концертов и активность в комитете комсомола.

Только десять лет спустя, уже в Благовещенске, когда одна её довольно слабая студентка явилась сияющая: поступила в аспирантуру! — Анна Ивановна не вынесла и разрыдалась дома от обиды. Муж, бывший одноклассник и друг детства, мудрый Михаил Григорьевич Перельман, воспринял её горе стоически. «Ну чего плачешь? Ты тоже можешь поступить в аспирантуру» — «Не могу. Мне уже тридцать пять лет. И дети...» — «Ничего, детей я беру на себя», — мужественно ответил тот. При конкурсе 19 человек на место Анна

Ивановна поступила в аспирантуру при Московском педагогическом институте. В тот же год.

В Благовещенске за неё к тому времени держались руками и ногами — аспирантуру разрешили только целевую, чтобы непременно вернулась назад. И то — где было ещё найти такого специалиста, готового за 105 рублей работать на полторы ставки и читать все курсы от древнерусской до современной зарубежной литературы. Над ней подшучивали друзья: «Предложи Нюсе читать китайский язык, она тут же согласится».

В московской аспирантуре руководителя по её теме о Плеханове не нашлось. Предложили взять другую тему, по которой был руководитель. Выбрала Кронина: у него пять романов на русском языке вышло. Начала работать над новой темой — выяснилось, что у того куча романов непереведённых. Пришлось самой заняться английским. Год ушёл на переводы. Способности к языкам у Анны Ивановны были, знала русский и украинский, в своё время за полгода в гетто выучила идиш.

Но тут работа над языком тормозила работу над диссертацией. И всё же справилась. Когда приехала в Москву на защиту, её имя уже вошло в Большую Советскую Энциклопедию как специалиста по Кронину.

Сейчас у Анны Ивановны 92 научные работы, куча брошюр и книг по методике преподавания зарубежной литературы — от «Алисы в стране чудес» до «Хоббит. Туда и обратно». На подходе учебник для школьников по зарубежной литературе для 5–6-х классов и ещё масса творческих планов. Но тогда упоминание в энциклопедии казалось чудом. Как же так, без всяких усилий с её стороны...

Ещё свежи в памяти страдания 1953 года. Тем, кто жил в те годы, памятен «сталинский призыв». После смерти вождя тысячи людей подавали заявления в партию: массы должны заменить все вместе непоправимую утрату. Искренне, как и большинство современников, оплакивавшая Сталина, спасшего её от проклятого фашизма, Анна Ивановна Вайсман подала заявление в партию. Но партия всё знала обо всём. Её сочли недостойной: всплыл факт, не известный даже самой кандидатке в КПСС. Её мама переписывалась с родственниками за рубежом. Райком решительно отвлёл её кандидатуру.

Это было ударом. Беременная вторым ребёнком, Анна Ивановна тяжело заболела, сказалоь это и на здоровье малыша. Кто-то её жалел, кто-то радовался: «Так и надо, все они такие».

Чтобы доказать, что не все такие, Анна Ивановна не щадила себя. Для неё, поклонницы мировой литературы, все люди были равны, все — дети человечества. И потому работала по 12 часов в день, утешая себя: «Я жива и приношу пользу людям». В платье, мокром от подступившего молока, прибегала домой с лекций, быстро кормила сына и, сдав на руки няньке, бежала назад в институт. Больше взять и больше отдать людям. Деньги её не интересовали. Интересовали живые души тех, кого она учила.

Хорошо, что в семье её понимали правильно и всегда помогали. И муж, и сыновья, уважавшие мамину работу и по-ребячьи поддерживавшие её.

Анна Ивановна Вайсман в работе была безотказна. Когда попросили возглавить кафедру, посомневалась, но согласилась. Вместо имевшихся в наличии трёх педагогов (в то время шутили: «Три сестры и дядя Ваня») собрала молодой работоспособный коллектив. Итог — 12 кандидатов наук. Никогда не стояла заведующая кафедрой камнем на пути у молодых, хотела помочь им и помогала. На наработанном ею багаже кафедра работает и поныне, когда руководит уже совсем другой человек.

Хватало сил ещё и на нелёгкую нагрузку областного депутата — четыре срока. Бегала по стройке, наблюдая, как возводится детский сад. Выбивала квартиры работницам хлопкопрядильной фабрики, добивалась, чтобы сделали остановку поезда возле садовых участков, провели нужную людям дорогу на Песчаное озеро. Как-то шла по улице, и на шею ей бросилась незнакомая женщина. Оказалось, благодаря Анне Ивановне она получила квартиру.хлопотать за других приходилось много, но Вайсман не боялась воевать за интересы людей. Неудивительно, что за глаза называли её беспартийным большевиком. А легко ли ходить по начальственным кабинетам и требовать, просить, умолять?

На этом фоне руководство студией художественного чтения было отдушиной. Половина студийцев Анны Ивановны сейчас работают в радиокомитете. Даже председатель ГТРК «Амур» был когда-то

студентом, увлѣкшимся поэзией. Любопытно, что из студийцев вышло пять счастливых семейных пар: Кострыгины, Морозовы, Ольховы... Поэзия помогла молодым людям открыть себя, свою душу, услышать и понять другого. А разве не из этого рождается любовь?

Другой отдушиной Анны Ивановны был театр. В Москве, во Львове, в Киеве она никогда не упускала возможности побывать в театре. Как-то за месяц в Москве пересмотрела 28 спектаклей на Таганке. И ей Благовещенский театр обязан многочисленными рецензиями и целой книгой, посвящённой его истории.

А творческие вечера в институте, Пушкин, Фадеев, Некрасов, когда весь зал дышал поэзией и сама Анна Ивановна перевоплощалась то в героев, то в авторов, то в тех, кто вдохновлял их на творчество... Думаю, сама Анна Ивановна Вайсман как муза-вдохновительница — особая тема, ждущая своего автора. Письма от её выпускников приходят к нам в редакцию достаточно часто. Мы их печатаем, пересылаем адресату. И если я что-то упустила, пусть они дополнят мой рассказ.

Но в чём же загадка её — женщины, человека, педагога? Не претендую на окончательный ответ. Но мне кажется, эта тайна стара как мир и так же бессмертна — любовь. Любовь к людям, к ученикам, к жизни, к Родине. «Я люблю людей, хочу, чтобы все были счастливы. И все смеялись. Чтобы дети выросли и стали хорошими людьми. Прорваться к каждому сердцу, не ставить преград между собой и учеником. Я не жду, чтобы сказали мне, что случилось. Я сама спрашиваю. И помогаю».

Годы хранят её. Анна Ивановна ничуть не изменилась. Она и сегодня осталась такой, как 48 лет назад, когда приехала в Худино молоденькой женой начальника заставы из столичного Киева, немного поревела: ну и глушь, а потом встала и состряпала для солдат 200 котлет — ведь они так стосковались без домашней пищи. Стряпала и про себя тихонько насвистывала любимый романс, петь ей мама не велела из-за отсутствия голоса. Зато слух у неё всегда был замечательный.